

Константин Костин

Ночь Калашматов

*Я видел людей с одинаковыми погонами, кокардами
и орденами,
убивающих друг друга. Я уже не могу понять, кто
— герой,*

а кто — злодей в этом странном поединке.

*Кто убивает во благо? Если во благо вообще можно
убивать.*

Из дневника неизвестного

Глава 1

Работорговец

Солдат после войны никому не нужен. Что умеет солдат? Только убивать. И выживать. Навыки, в мирное время чрезвычайно опасные. Потому Родина, Совет и лично Генеральный Председатель совета, чтобы Тилис, Единый В Трех Ликах, его на том свете на всех сковородах жарил, сделали все возможное, чтобы сгноить нас, ветеранов.

Пограничная война закончилась в 76-м году, восемь лет назад. И шесть из них я скитался по степям и горам, промышляя работорговлей. Потому что пенсии не хватит даже на патроны, чтобы

застрелиться. А запасы трофейного золотишка давно иссякли.

Может быть, если б я был в пехоте, царице степей — и с добычей было б лучше. Но откуда у пилота-истребителя трофеи? Противник-то там, внизу. А я — тут, вверху. Ну не бывает такого, чтобы сбил амеровский бомбер, сделал круг, приземлился поблизости — и пошел шарить по карманам. Ага, удачи. Там-то меня уже и ждут, и тоже хотят пошарить по карманам. Только по моим.

Хотя призовые я получал неплохие. Ибо пилотом был, да и есть — очень недурным. Может их и хватило бы на подольше, если б я, привыкнув к красивой жизни, не сорил баблом направо и налево. На войне — да, довольствие всех видов, награды, трофеи, премиальные за сбитые самолеты противника. А здесь... кончился противник, кончились его самолеты, кончилась война.

Но я не жалею. Я делаю то, что я умею, чему меня научили — охочусь. Пусть не в воздухе, а на земле. Уже на скагов. И не для того, чтобы убить, а чтобы продать. Как раз сейчас шахтеры заказали сотню рогатых. Сотню! Хороший контакт. Дело за малым — найти этих чертовых чертей. Невидимое Солнце — время, когда Арес закрывает собой Солнце на две недели, погружая Новую Землю во тьму, кончилось три дня назад и за все три дня мне не попался ни один рогатый! Как

специально — когда заказов нету — их кишмя кишит, еще и непонятно, кто на кого охотится.

Нет, я не надеялся найти сотню сразу — столько в мой грузовик влезет только порезанных на кусочки и уминаемых ногами. Но пару десятков — вполне!

— Хозяин! — окликнул меня Ягдаш. — Там!

Краснокожий сидел, свернув ноги кренделем, рядом со мной на кабине грузовика и изучал горизонт в бинокль. Я тоже не терял времени даром — смотрел в противоположную сторону через прицел гром-палки. Но скагу повезло больше. Да и зрение у них острее.

Я развернулся в указанном направлении и сперва ничего не увидел. Лишь чуть погода — столб пыли, а еще позже — пятерых всадников. Ну, хоть что-то для начала...

— Дай сюда... — я забрал у черта бинокль.

Да, пятеро рогатых. На лошадях. Вооруженных. Тем лучше — значит, как минимум — охотники, не задохлики какие-нибудь, не отдадут концы через неделю и не будет куча претензий от заказчика. Не люблю я все эти говнотерки, которые заканчиваются ничем. Я деньги не возвращаю из-за принципа. И из-за веры. Веры в то, что деньгам у меня лучше. Покупатель всегда видит товар перед оплатой. Раб — это не машина, которую можно подправить, подкрасить.

Если инопланетянин старый и дряхлый — делай с ним, что хочешь, он не будет выглядеть здоровым и крепким работягой. Двинул копыта? Может, кормили неправильно? Или чересчур много били.

На счет копыт я, конечно, фигурально. Скаги — местное население планеты, куда 84 года назад закинуло некоторую, далеко не самую большую, и, надо полагать, не самую лучшую часть человечества, в самом деле сильно походили на чертей. Краснокожие, лысые, с рогами на голове. Правда, без хвоста и копыт. Но сходство было поразительным!

— Ничерта не вижу, — признался я, возвращая оптический прибор компаньону. — Чем вооружены?

— Скагаранки, — ответил Ягдаш, даже не притрагиваясь к биноклю.

Я улыбнулся. Скагаранки — это тоже хорошо. Недооружие, придуманное специально для инопланетян, когда ханам стало мало автомобилей, водопровода, электричества и золота. Фактически — карабин СКС, отличающийся наличием нарезки только на трети длины ствола и специально разработанными патронами большего калибра со свинцовой безоболочечной пулей. Несмотря на требования чертей и желание наживаться людей на торговле, настоящее оружие мы им давать не хотели, оставляя за собой преимущество в бою.

Потому и изуродовали карабин, изобретенный еще там, на Старой Земле, сократив прицельную дальность стрельбы до 100–150 метров. С одной стороны рогатые получили то, чего они так хотели — огнестрельное оружие. С другой — даже Калашмат, изобретенный там же, на Старой Земле, но получивший широкое признание и здесь, с легкостью бьет на 300 метров. Англичане ружья кирпичом не чистят!

За полсотни лет до Пограничной войны Скагаранки ваяли тысячами штук, продавая их ханам. Даже первое военное время — тоже, уже для вооружения чертовых батальонов. Правда, тут оказалось, что с таким оружием одноразовые солдаты уж слишком одноразовые. Да и Калашматов на местах боев оставалось целые кучи. Замечательный автомат! Достаточно смахнуть с него тряпочкой предыдущего владельца — и можно опять стрелять! Что краснокожие и делали.

Инопланетяне явно двигались в нашу сторону. Я даже запустил сигнальную ракету, привлекая их внимание, чтобы никуда не свернули. Гоняться по степи еще три дня за живым товаром никак не улыбалось. Плюс кончалась горючка и провиант. А без жрачки в нашем деле нельзя. Я пробовал. Дня не проходит — снова есть хочется.

Пока краснокожие добирались до моего грузовика, Ягдаш достал из кабины два помповых

дробовика NAA 500. Один — мне, второй себе. Это на войне было хорошо. Там живые нужны редко. Можно снять противника из гром-палки с полукилометра. Если винтовка и стрелок выше среднего — то метров и с восьмисот. Я слышал, некоторые скаги умудрялись попадать и на двух километрах. Ну не знаю... зрение у инопланетян, несомненно, острее, чем у землян, но, сдаётся мне, это тот самый случай, когда класс точности оружие не доставал до класса точности глаза. Если только из какого-нибудь штуцера, сделанного на заказ, но откуда такие в армии?

Необходимость сохранить товар живым приводила к тому, что нам с партнёром придется работать на той же дистанции, что и будущим невольникам — около 100 метров. Парализовать их беспроводными тазерами 12-го калибра, разработанными янки для полицейских нужд, но по достоинству оцененных нашим братом — работоторговцем.

Черти не торопились. Мы с Ягдашем даже достали термос и разлили кофе, дабы скоротать ожидание. Напарник где-то умудрился отжать пару стаканов в блестящих желтых подстаканниках. Конечно, не золото. Даже не позолота. Вот откуда у них такая любовь к драгоценному металлу? Жили же они как-то до людей, не зная золота, и нормально жили! Лично у меня такая безвкусица

выдергивала кольца. По мне так вообще — лучшей посуды, чем армейская алюминиевая кружка, и быть не может. Но вот ему нравилось!

Я пригубил горячий напиток. Рогатый поднес свой стакан ко рту и в этот момент тот, с громким щелчком, лопнул надвое, ровно по вертикальному шву! Кипяток хлынул на руку компаньону.

— Вот шуш! — выругался он, тряся кистью.

Наша добыча словно этого и ждала, когда мы отвлечемся. Неожиданно быстро группа всадников, растянувшись шеренгой, оказалась всего в сотне метров от грузовика! Один даже помахал, здороваясь!

В ответ мы вскинули дробовики и залпом, слившимся в один громкий выстрел, пустили по тазеру в крайних. Скорчившись в судорогах они рухнули с лошадей в траву. Лица других моментально изменились. С приветливых улыбок — на недоумение, граничащее с ужасом. Эти трое оставшихся развернули своих скакунов и пустились наутек. Ружья бахнули во второй раз, менее синхронно. Левый черт, в которого целился Ягдаш, упал. Правый, в которого стрелял я, продолжал улепетывать.

Понимая, что он уже за предельной дальностью для гладкоствольного оружия, я, тем не менее, лихорадочно работая затвором, выпустил еще три патрона. То, что он тоже свалился с коня,

было, скорее, удачей, нежели показателем моего мастерства.

Остался последний. Этот уже успел удрать далеко. Да и Тилис с ним, если подумать! Но я потянулся за винтовкой.

Ягдаш опередил меня. Схватив гром-палку, прильнув к окуляру оптического прицела, компаньон два раза глубоко вздохнул, затем затаил дыхание и выстрелил. Хлесткий звук ударил по ушам. И... скаг продолжал сматываться!

— Э-э, не попал! — протянул я не без злорадства.

— Видимо, на то не было воли Тилиса, Единого В Трех Ликах, — спокойно ответил краснокожий.

— Дай сюда...

Я забрал снайперку. Намеченная жертва успела ускакать на полкилометра. Вот сдался он мне, по большому счету? Нехай себе валит!

Однако во мне проснулся азарт. Азарт охотника. И желание уделать партнера. Доказать превосходство человека над инопланетянином. Пусть даже с ошпаренной рукой. А то обидно как-то! Некоторые из них до сих пор ходят на саблезубов с луком и стрелами, а мы, люди, без автомата боимся границу перейти!

Я понимал, что вероятность успеха выстрела сокращается по мере удаления цели, т. е. с каждой

долей секунды. Шестьсот метров. Не, не попаду. Или попаду? Выдохнув, надув щеки, я выжал спуск. Винтовка, грохнув, лягнулась в плечо, и... и... да! Пятый наездник свалился с коня! Я попал! Я уделал скага!

— Эх ты, кулема, — рассмеялся, я, сдвигая пальцем предохранитель.

— Что такое — кулема? — поинтересовался черт.

— А, не обращай внимание, — отмахнулся я. — Бездарь, в общем.

— Видимо, на то была воля Тилиса, Единого В Трех Ликах, — развел руками Ягдаш.

Здрав брезент кузова, обнажив клетку, мы с партнером перетаскали туда краснокожих. Его соплеменников. Четверых, что остались в живых. Последний, убитый, нам нахрен не сдался. Смерть его, по сути, была бессмысленной и бесполезной. Как и большинство смертей, если подумать. Но сделанного не воротишь.

Карманы, конечно, тоже обшарили. Но что может быть ценного у скагов, которые ездят на лошадях? Золотишко, естественно, водилось у каждого. Вопрос в количестве. У этих — совсем кот наплакал. Десяток колечек, пяток цепочек и пара монет. Были б они состоятельными господами — раскатывали б на автомобилях. И не по степи, а где-нибудь по улицам Скагаранского Халифата —

главного города инопланетян на материке. Даже можно сказать — столице.

Подумав, я закинул в кабину и их оружие. Хотя оружием оно называется только по недоразумению. Грош цена их скагаранкам, но бывают времена, когда и грош — деньги.

Основной добычей, разумеется, оставались сами пленники. За каждого я планировал выручить не менее трех сотен рублей. Но торговаться начну с пятисот. Может, и повезет...

На этом нехитрая коммерция работорговца не заканчивалась. Только начиналась. Достав из кармана телефон, я набрал номер заказчика. Тот долго не хотел брать трубку. Немудрено — вечерело. Приличные шахтеры и рабовладельцы в такое время уже отдыхают. Но после седьмого гудка, когда я уже, скрепя сердце, планировал перенести сделку на завтра, мне ответили!

— Вынимательно вас слушаю...

— Грачев беспокоит, — представился я. — У меня есть товар.

— Много?

— Четыре, — ответил я.

— Четыре!? — разочарованно протянул собеседник.

— Да, пока четыре, — подтвердил я. — У меня кузов не резиновый. Мне их что, кусками резать и укладывать?

— Ладно, пусть пока четыре, — смилостивился шахтер. — Давай, завтра утром подгребай.

— Мне бы сейчас, — возразил я. — Они за ночь мне весь кузов изгадят. Кто убираться за ними будет?

— Я сказал: утром.

— Э, нет, — усмехнулся я. — Сам знаешь — товар ходовой. Мне все равно, кто заплатит: ты, или НАШисты. Отказываешься брать — сбегрю другим.

— Ладно-ладно, — вздохнул заказчик. — Через сколько будешь на шахте?

— Часа через полтора-два, — ответил я.

— Давай.

И собеседник прервал вызов. Скотина жирная!

Я уселся за руль. Напарник устроился по другую сторону от массивного подлокотника — кожуха раздатки. Грузовик взревел мотором и потащился по степи, ощупывая фарами сгущающиеся сумерки, сминая колесами траву, оставляя после себя две колеи чужого этой планете транспорта пришельцев из чужого мира, но подмявшего под свои законы и этот.

Пленники в кузове уже очухались. Черти, несомненно, поняли, что попали в руки работорговцев. Они сыпали проклятьями, страдая своими могущественными покровителями. Я только усмехнулся. Ягдаш, обрабатывавший свой ожег

вонючим скагаранским зельем, даже ухом не повел.

Все это мы проходили. Сперва — угрозы. Потом рабы начнут сулить несметные богатства, предлагать за себя выкуп. И, наконец — давить на жалость. Рассказывать о бедных, несчастных сиротах, которые без папки непременно помрут с голоду. Не помрут. Их отпрыски, скорее всего, уже сами бегали где-нибудь по Терре в поисках своих сородичей, чтобы впарить их самих в рабство. Или искали людей, чтобы похитить и потребовать выкуп. В крайнем случае занимались совсем безобидным промыслом — грабежами.

Те скаги, чьи потомки в самом деле загнутся без отцов — не гуляют, вооруженные, по нейтральной полосе. Они трудятся в поте лица на стройках. Благо, после Пограничной войны, самой разрушительной, жесткой и кровопролитной с того момента, как человечество оказалось на Новой Земле, работы тем, у кого руки растут из нужного места, хватало. Было бы желание. Возможно, менее прибыльной, но все же...

На тракт, по которому можно добраться почти до самой шахты, автомобиль выбрался как раз к моменту начала третьей стадии. Краснокожие на всех известных им языках умоляли отпустить их восвояси. Ну что за глупость? Если я отказался освободить их в обмен на горы золота, то расстаться с такой замечательной компанией

абсолютно бесплатно — тем более не намеревался!

— Молчать, шанги! — прикрикнул Ягдаш.

Черти, несмотря на свое положение, ощерились. «Шанг» — самое обидное ругательство для скага. В переводе означает «безрогий». Отсечение рогов — наипрощайшее наказание рогатых, даже страшнее смерти. Потому что и означало смерть, но медленную и мучительную — от голода. Или быструю — в клыках хищников. Безрогий инопланетянин лишался рода, племени, жены, детей, всех титулов и, конечно, золота. Имеются в виду, конечно, те краснокожие, у кого оно было, а таких весьма ограниченное количество. Но любой скаг без рогов переставал быть скагом, становился изгоем, которому не место в чертовом обществе.

Может быть и рабства они боятся не столько из-за самого рабства — там, хотя бы, кормили, а из-за того, что рабам отпиливали рога. Ну глупо это — оставлять невольникам оружие, данное природой. Не уверен, что сама операция была болезненной, скорее — как подстричь ногти. Но отсутствие рогов, помимо прочего, давало гарантию что инопланетянина не примут свои. Моя честь — мои рога! Да и найти беглого раба с такой особой приметой — легче легкого.

Кстати, отсюда скагаранское название невольников — «шанг». Т. е. тоже «безрогий».

Можно еще упомянуть, что так же краснокожие называют нас, землян, когда отзываются в пренебрежительно-оскорбительном ключе. Тут — понятно почему. Потому что у людей рогов вообще нет. И никогда не было.

Я сделал музыку погромче и выжал из грузовика все возможное. Солнце уже скрылось за горизонтом, лишь крохотный краешек Ареса выглядывал из-за острых горных вершин. Обгоняя редкие попутки, в основном — повидавшие жизнь грузовики и джипы авантюристов типа нас с Ягдашем, реже — фермерские пикапы и огрызки, я прикидывал в голове экономику предприятия. Патронов, горючки и хавчика мы сожгли рублей на пятьдесят. Еще червонец — ремонт пробитого колеса. Дорогое, Тилис, Единый В Трех Ликах его побери, удовольствие! Рублей тридцать уйдет на техобслуживание машины. Итого — девяноста. Ну, округлим до ста. Т. е. чистого навару должно выйти 1100 рублей! В худшем случае! И это — далеко не самый удачный месяц. Проклятое Невидимое Солнце загнало скагов в пещеры и города, поближе к теплу и свету. Однако скоро начнется сезон дождей, и на две-три недели степь превратится в непроходимое болото, коммерция остановится вовсе. Брать рабов рудокопам будет неоткуда, а они мрут, как мухи.

Мы надолго застряли на железнодорожном

переезде, пропуская состав, груженный рудой. Вереница вагонов тащилась мучительно медленно. Вот последний хоппер покинул дорожное полотно, шлагбаум поднялся. Я проехал еще немного и съехал с тракта в малозаметный сверток, который и вел к шахте. И к деньгам.

Через пару километров грузовик остановился перед высокими воротами с парой пулеметных вышек с обеих сторон. Стрелки охраняли не то добро, что было на шахте от посторонних посягательств. Кто в здравом уме сам туда сунется? Как раз наоборот. Пулеметы служили тому, чтобы никто, ни рабы-инопланетяне, ни земляне-каторжники, не могли покинуть шахту. Люди — до истечения отмерянного судом срока, краснокожие — до самой смерти. Но, кажется, их и после смерти сжигали прямо там, в шахте.

Я посигналил. В воротах открылась калитка и на дорогу, шурясь от света фар, вышли трое: пузатый Дим Димыч, владелец рудника, а с ним — пара плечистых парней в черной униформе с желтыми нашивками «охрана». Эти двое, вооруженные Калашматами, настолько старыми, что издавали жуткий лязг при каждом шаге, изо всех сил делали вид, что способны защитить своего нанимателя от любого посягательства на его жизнь, но то, как они держали оружие, с головой выдавало в телохранителях конченных балбесов, любителей

бабахинга по пустым банкам и не более того. Мы с Ягдашем, при желании, уложили бы обоих за несколько секунд. Зато как они пыжились! Два полудурка, способных только избивать беззащитных шангов.

— Долго, — коротко произнес рабовладелец.

— На переезде стоял, твой груз пропускал, — пожал я плечами. — Товар смотреть будем?

— Показывай.

Мы обошли грузовик. Легкий ветерок растрепал редкие волосы Дим Димыча, которые он поспешил пригладить. Я заметил, что бизнесмен сильно нервничает. Ягдаш задрал брезент, демонстрируя клетку с пленниками. Улов небогатый, но в сезон дождей и того не будет. Шахтер посветил фонариком, внимательно разглядывая каждого. Черти, закрывая глаза руками, сгрудились у противоположного края кузова, тихо щебеча между собой на своем шипящем языке.

— Какие-то они у тебя полудохлые, — произнес толстяк, пожевав губы.

— Ты это быстро исправишь, — оскалился мой компаньон.

— Вот за тебя я бы хорошую цену дал, — невозмутимо заметил шахтер. — Язык у тебя больно острый. Как раз мне задницу брить.

— Не продается, — поспешно вставил я.

— Сколько за этих хочешь?

— Пятьсот за каждого, — обозначил я цену.

— Пятьсот? — протянул Дим Димыч. — Дорого. Двести.

— Чего? — опешил я от такой наглости. — Ты охренел, что ли? Только как оптовому клиенту — четыреста.

— Тощие они у тебя, долго не протянут. Подохнут. Двести двадцать.

— Так они, небось, как ты, в три горла не жрут! Триста. Ты смотри, скоро сезон дождей. Вообще работать некому будет. Это — не каторжники, за чертей с тебя никто не спросит. Могут вкалывать круглые сутки, — напомнил я.

— Хрен с тобой. Двести пятьдесят. Но это мое последнее слово.

Я задумался. С одной стороны девять сотен — тоже неплохой навар. С другой — я рассчитывал на большее. В любое другое время я послал бы жиртреста с такими запросами к Тилису, Единому В Трех Ликах. Но за дни Невидимого Солнца я сам поиздержался, а распечатывать заначку не хотелось. Каждый раз, когда приходится залезать в кубышку, я делаю это со слезами на глазах. Беру деньги и плачу.

— Хрен с тобой, — повторил я заклинание Дим Димыча. — Двести пятьдесят — так двести пятьдесят. По рукам.

Рабовладелец извлек из кармана трубочку свернутых купюр, перетянутых резинкой, и, не считая, бросил их мне. Вот же скряга! Он заранее определил для себя эту цену! Подняв руку, я поймал деньги.

В этот момент Ягдаш резко повернул голову, раздувая ноздри, принюхиваясь. Да, и нюх у чертей гораздо лучше, чем у людей. Не только зрение. Я сообразил, что происходит что-то незапланированное, но партнер оказался быстрее. Его рука дернулась к кобуре, но обнажить свой здоровый Кольт скаг не успел. Грохнул выстрел и голова компаньона взорвалась мелкими кусочками, забрызгав мозгами и кровью брезент и борт автомобиля. Дим Димыч испуганно взвизгнул. Обезглавленное тело краснокожего еще с секунду простояло на ногах, а после — рухнуло в пыль.

Внезапно кочки травы, мирно лежавшие на обочине, взметнулись вверх, превратившись в группу вооруженных людей. Хорошо вооруженных людей — с Горынами, в брониках и касках — полных комплектах Гранит-3. Так красиво и четко может сработать только одна организация во всем мире — штурмовые бригады ЦСН.

— Руки в гору, на колени, мразь!

Я поспешно поднял руки. С этими товарищами лучше не спорить. Штурмовикам нашпиговать свинцом кого угодно — что рюмку

водки выпить. Что они только что и продемонстрировали на моем напарнике.

Сразу несколько человек, с разных сторон, налетели на меня, заломив руки за спину. Я бросил взгляд туда, где только что стоял Дим Димыч, но он, надежно закрытый живым щитом из двоих охранников, был уже почти у ворот. И никто не пытался схватить его! Сдал меня, гнида!

Глава 2

Сделка

Следователь, вальяжно откинувшись в кресле, делал вид, что изучал мое дело. Именно делал вид. Хотя на папке и значилось мое имя, наспех нацарапанное карандашом, вся кипа листов была девственно чистой. Я это прекрасно видел в отражении в стекле за спиной капитана. Лоховская разводка. Но разочаровывать милиционера я не спешил.

— Да-а, гражданин Грачев, да-а... — протянул следователь, перевернув страницу. — Такую фамилию позорите!

— И в чем меня обвиняют, — поинтересовался я, с трудом подавив смехок.

— Тут же написано, — страж порядка ткнул пальцем в пустое место. — Работорговля. Это раз. И легализация денежных средств, добытых

преступным путем. Это два. В особо крупных размерах! Это три.

— А вот это враки! — возразил я. — Я ничего не легализовывал! Я прямо так, сразу, чернухой тратил!

Следователь от такой наглости даже потерял равновесие. Пробалансировав несколько секунд на двух ножках, чуть не свалившись на пол вместе с креслом, он, все же, удержался и громко шлепнул папкой по столу.

— Шутим? Или я записываю это, как признание?

— Слушай, капитан! Хорош пургу гнать! Да, землянам торговля чертями запрещена. И что? Кого когда за это осудили? Ты не хуже меня знаешь, что без рабов все шахты встанут. И у тебя вместо лампочки будет светить лучина. А вместо пистолетика в кобуре — будет дубинка. Хорошая такая, деревянная дубинка. А на счет легализации... я тебе даже точную дату назову, когда ты это докажешь! Никогда! Давай договоримся прямо сейчас: я даю тебе сто рублей. Сто! Рублей! Поверь, это очень щедрое предложение! И забываю, что твои архаровцы застрелили Ягдаша. И мы расходимся миром.

— Он сопротивлялся! — взвизгнул следователь, было растерявшись, но, одумавшись, взял себя в руки. — А это уже — попытка взятки

должностному лицу! Четыре!

— Тогда у меня другое предложение. Я вспоминаю, что у Ягдаша есть... был ханский патент на работорговлю, просроченный, или нет — не моя забота. Рассказываю, что он — мой наниматель и строчу длинную жалобу в Комитет Охраны Правопорядка. Тут расклад тем более не в твою пользу!

— Нет, Грачев! — воскликнул блюститель закона. — Мы с тобой никак не договоримся! Потому что ты — преступник. А я — мент. Я присягу давал: давить таких, как ты. Запомни, уголовная мразь: правосудие — неподкупно!

На последних слова следак поднял вверх палец, при этом рукав его мундира задрался, обнажив сразу двое золотых часов, бывших собственностью моего компаньона. Капитан слишком поздно осознал свою ошибку, и, поспешно отдернув манжет, завопил:

— Дежурный!

В кабинет сию секунду залетел здоровый лоб в сером пятнистом камуфляже с сержантскими нашивками. Словно ждал за дверью.

— Увести, — распорядился капитан.

— Куда?

— На Кудыкину гору! В камеру, конечно. Только это... — честный коррупционер поморщился. — Посади куда потише. Он еще

нужен.

— Сделаем, — заверил сержант.

Пока меня вели по коридорам, я думал. Дело мое выглядело необычно. В то, что на меня заведут дело, я слабо верил. В то, что оно дойдет до суда — еще меньше. А если, в крайнем случае, оно так и случится — что там мне грозит за работорговлю? Штраф, как максимум! Тысяч пять. Ну, может, десять. Тут уверенности у меня не было — Уголовное Уложение я давно не перечитывал, а его переписывали раз в полгода — стабильно. Т. е. при худшем раскладе — четыре месяца работы, чтобы выйти в ноль. Ах, да, конфискуют грузовик, оружие... это хуже! Так я встряну тысяч на 20–25. Чтобы восстановиться уйдет почти все, что я скопил на черный день! Да и прикипел я как-то к своему автомобилю... может, стоило взятку посерьезнее предложить?

А, с другой стороны — стали бы из-за такой фигни поднимать штурмовую бригаду и валить Ягдаша? Скага тоже жалко. Не так, как машину и снаряжение, но, все же, он был хорошим партнером. Готовил восхитительно, как и все инопланетяне. Воровал в меру. На дудочке неплохо играл. Хотя это, скорее минус. Его музицирование крепко действовало на нервы. Найти доброго компаньона в наше время нелегко. Особенно, когда в чертях человеческого больше, чем в людях.

Нет, тут все непросто. Охотились именно на меня. Но на кой я кому сдался — вот главный вопрос.

Дежурный пинком отправил меня в камеру и закрыл дверь. Ключ повернулся в замке с ужасающим скрежетом. Через маленькое, забранное решеткой окно почти под самым потолком, в помещение проникала только ночь, а единственной тусклой лампочки явно не хватало для освещения всей темницы.

Унитаз в углу, рядом с ним — рукомойник. Две тумбочки, двое жестких деревянных нар с ворохом постельного белья с клопами, между ними — стол. Неприятное место. Впрочем, я б сильно удивился, если б тюрьма оказалась место приятным. Я уже собирался упасть на кровать, как вдруг тряпки зашевелились и из-под них показалась рогатая голова с желтыми глазами.

Скаг!? Арестантский устав не запрещал размещать землян вместе с инопланетянами, но существовали неписанные правила, согласно которым такое соседство — недопустимо!

— Шелофек? — удивленно прошепелявил краснокожий.

Даже в полутьме я разглядел, что в его пасти напрочь отсутствовали зубы.

— Шелофек, — передразнил я, устраиваясь на свободных нарах.

— Тепя жа шо? — поинтересовался черт.

— Скагами торговал, — ответил я.

— Быфает, — вздохнул краснокожий.

— А тебя за что?

— Людей кушал, — вздохнул рогатый.

Я даже подпрыгнул на месте. Нихрена себе — камера потише! С соседом-людоедом! Это ж расстрельная статья! Что же тогда творится в других?

Кушать людей — случай не особо частый, но и не исключительно редкий. У скагов на этот счет был целый культ. Они свято верили то, что с плотью землян перенимают наши знания и навыки. Ежу понятно, что на деле перенимали только диарею, но тут вина не людей, а пренебрежение элементарными правилами гигиены самими инопланетянами.

Облокотившись на стол, я приподнялся, оценивая сокамерника. Этот, похоже, в заточении находился уже давно. Тоший — кожа да кости. Да и зубы выбиты. Один на один — точно справлюсь. Но, на всякий случай, я решил спать как можно более чутко.

И не ошибся! Посередь ночи я проснулся от прикосновения к себе. Не нужно быть Тилисом, Единым В Трех Лицах, чтобы догадаться, что лапал единственный, кто находился в камере, помимо меня — людоед! К счастью, он не выбирал

наиболее вкусные места, а просто шарил по карманам. Но даже это мне сильно пришлось не по нраву. Это — мои карманы. Карманов много. Но эти карманы — мои. И шарить по ним имею право только я.

Еще толком не проснувшись, я зарядил кулаком в челюсть краснокожего. Он перелетел через стол и впечатался в противоположную стену. Вскочив на ноги, я запрыгнул на соседние нары, добавил, на всякий случай, носком ботинка по ребрам инопланетянина и рванул простыню, отдирая от нее длинную полосу. Черт жалобно скулил, прижатый коленом к кровати, но меня этим не пронять. Заломив за спину руки и ноги скага, я быстро связал его, мысленно отметив, что не потерял навыков со времен войны.

— Я нешаянно! — пропищал сосед.

— Что нечаянно? Перепутал свои карманы с моими? — прорычал я.

— Я больше не буду!

— Еще один звук — и я тебе в пасть кляп забью, — пригрозил я. — Хочешь?

Ответом была тишина. Значит, понял. Я вернулся в свою постель и спокойно проспал остаток ночи.

Недолгий остаток ночи.

— Грачев! — разбудил меня окрик. — Подъем! Что, персональное приглашение нужно?

Подъем давался очень тяжело. Я так привык просыпаться тогда, когда я захочу, а не тогда, когда это кому-то взбредет в голову! Я укрылся подушкой, зажав уши, чтобы ничьи вопли не мешали доспать. И сразу почувствовал удар по спине. Вскочив, как ошпаренный, я занял боевую стойку, приготовившись навалить кому-то... и, увидев вчерашнего дежурного, сразу вспомнил события прошедшей ночи. Тут лучше не спорить.

— На выход, — сержант указал направление дубинкой.

— Расвящите меня! — взмолился людоед.

Надзиратель проигнорировал просьбу, довольно хмыкнув.

Меня привели в кабинет, где проходил допрос. После полумрака камеры солнце, проникавшее в помещение через окно, нещадно било в глаза. Следователя здесь больше не было. Зато были два силуэта, один из которых мне показался смутно знакомым.

— Тилис, Единый В Трех Ликах! — услышал я голос из своего далекого прошлого. — В самом деле — сам капитан Грачев!

— Майор? — удивленно произнес я. — Брагин? Сашка, ты что ли?

— Бери выше!

Старый боевой товарищ сделал шаг в сторону от окна и повел плечом, демонстрируя погон с

двумя просветами и тремя звездами. Полковник.

— Высоко забрался, — улыбнулся я.

— Коля, Коля, — покачал головой офицер. — А тебе кто мешал? Башка на плечах у тебя есть. Притом — какая! Не только фуражку носить. Я ж тебе предлагал перевестись к нам, в ЦСН. Сейчас сам был бы полковником. С гарантией! Кадры сейчас такие, что любой, кто умнее свинорыла, карьеру делает — у-у-у...

Я поморщился. Кадры нужны только во время войны. В мирное время умные люди, как в армии, так и в органах — только помеха. Мешают воровать высоким чинам. Или сольют, или придется брать в долю, и еще неизвестно, что хуже!

— Надоело убивать по приказу, — признался я. — Теперь я — вольный художник.

— Убивать ради куска хлеба — лучше? — удивился Брагин.

— Спокойнее, — ответил я, присаживаясь в кресло. — Я никому ничего не должен, и мне тоже. Вы располагайтесь, почувствуйте себя, как дома.

— Да и у нас давно никто никого не убивают, — с сожалением вздохнул друг. — Бумажки пишем. Планы по написанию планов и отчеты по написанию отчетов.

— Это как? — удивился я.

— Это так. Например, мне нужна бумажка. Подтереть задницу. Я пишу служебку, где

обосновываю необходимость такого действия. Визирую у генерала, начальника финансовой части, зама по бумажным вопросам. Вношу в свое заявление все исправления, которые они требуют, каждый раз распечатывая новую бумажку. Отправляю служебку в канцелярию. Там она лежит, если не потеряется. Месяц. Другой. Полгода лежит. Наконец, собирается Очень Компетентная Комиссия, которая решает, нужно мне задницу подтирать, или нет. Все это время генерал меня сношает: «а почему у тебя, Александр Игоревич, задница не вытерта?». А я ему отвечаю: «вопрос на рассмотрении в Очень Компетентной Комиссии». Генерал важно кивает головой и ставит меня в пример другим начальникам отделов. Даже награждает премией. В результате Очень Компетентная Комиссия решает в очередной раз оптимизировать расходы и не выдавать мне бумажку. В сухом остатке — потрачено полпачки бумаги, два кило тонера для принтера, три недели рабочего времени, получено несколько премий, но жопа осталась грязной.

— Дела, — присвистнул я.

Второй визитер вежливо кашлянул, напоминая о себе. Мои глаза успели привыкнуть к свету и пришедший с полковником человек перестал быть просто силуэтом. Форма насыщенного зеленого цвета, серебряный лист на

плече. Американский подполковник. Наградные планки и возраст янкеля указывали на то, что он принимал участие в Пограничной войне. Причем, что вполне естественно, не на нашей стороне, а на стороне Новых Американских Штатов.

Я вопросительно посмотрел на Брагина. Менее десяти лет назад я б за этого амера получил орден. Причем представил бы меня к награде именно Саша. Хотя — вряд ли. Тогда подполковник явно еще не был старшим офицером. Медальку бы за него дали.

— Знакомься, капитан, — кивнул на офицера старый друг. — Подполковник Рамирес, разведка армии НАШ.

— Чрезвычайно рад! — произнес подполковник с едва заметным акцентом. — Очень много о вас наслышан!

Он протянул ладонь для рукопожатия, на которое я ответил без особого энтузиазма.

— Интересно, наслышан — во время войны, или после? — спросил я бывшего врага.

Разведчик, смутившись, открыл рот, подбирая слова, но его опередил Брагин.

— Коля, брось. Теперь мы друзья. И даже больше — союзники. Не время вспоминать старые обиды.

— Мне вот еще интересно — ты всеми арестованными ветеранами интересуешься, —

усмехнулся я. — Или тем, что все мы здесь сегодня собрались, я обязан исключительно тебе?

— Ты тоже палку-то не перегибай, — отмахнулся полковник. — Было б тебя легко найти — общались бы в других условиях. Тебя там в камере — как, не обижали?

— Что ты! Такая милая компания! Скаг-людоед, еще и любитель шарить по карманам. Я теперь это заведение буду советовать всем знакомым. Ставлю пять звезд!

Офицер проигнорировал мою попытку пошутить. Он уже изучал папку с моим делом. Но уже не ту, с пустыми бумажками, а другую. Гораздо менее толстую, но более содержательную. Следовательно, похоже, за всю ночь не сомкнул глаз, строча материалы на меня.

— Дела твои, Грачев, хреновые... — произнес Саша.

— Да ну? — деланно удивился я.

— Ну да. Работорговля. Ты же знаешь, что продавать скагов можно только скагам. И то — исключительно при наличии ханского патента.

— Да ну? — повторил я. — А чего ж ими каждый встречный поперечный торгует?

— Ну да. Только дело заведено на тебя. Бурды всякой понаписано много. Легализацию денежных средств вряд ли кто-то докажет. А вот за работорговлю... если не повезет с судьей — года

три каторги получить вполне реально.

Моя бровь поползла вверх. «Не повезет с судьей» было сказано таким тоном, что сомнений не оставалось — мне с судьей не повезет точно. И это — боевой друг, называется!

— Но я могу тебе помочь! — продолжил полковник.

Ну разумеется! Самим подставить, чтобы иметь возможность шантажировать. Время идет, а методы работы разведки не меняются.

— Ну да? — выдавил я из себя.

— Да ну... — автоматически ответил Саша. — Тьфу, Тилис, Единый В Трех Ликах, тебя побери, капитан!

— Короче, майор... полковник, в смысле. Давай уже колись, из-за чего весь этот сыр-бор.

— Понимаешь, Грачев... — замялся офицер. — Мир после войны очень сильно изменился. Раньше мы диктовали условия скагам. Они сильно зависели от нас. Как в финансово, так и вообще. Но сейчас... ты просто не представляешь себе, какое бешенное бабло срубили ханы на войне! И после, когда нам были нужны черти, чтобы заново отстроить наши города. Ты в Скагаранском Халифате давно был? Там подвалы от золота ломаются! Полны! С горкой!

— И деньги — далеко не самое страшное, — подхватил коллега Брагина. — У инопланетян

появилось оружие. Не те скагаранки, что были раньше. А автоматы, броневики. Что-то мы сами им поставляли... как и вы. Кто-то из людей приторговывал, конечно... а уж сколько на местах боев осталось! Кто там уследит? Танки батальонами списывали, самолеты — эскадрильями. Кому какое дело до сотни-другой автоматов? Или десятка броневиков?

— Но самое хреновое то, что мы научили их убивать, — снова заговорил старый знакомый. — Это в Чертовой Войне потери были — тысяча чертей на одного человека. В начале Пограничной Войны — уже полста чертей на человека. А под конец... есть в них что-то дикое, первобытное, в чем они сильнее нас. Даже с луком и стрелами. А сейчас, когда у чертей появились гром-палки — я вообще молчу. Когда краснокожие поймут, что мы им не нужны — вопрос только времени. Если они еще этого не поняли... вот тогда будет война. Такая война, что все прошлые войны тебе такими цветочками покажутся! А ягодки — впереди.

— И? — спросил я.

— И нам нужен свой человек в Скагаранском Халифате. Для... сбора информации. И выполнения некоторых небольших поручений...

— То есть — шпион? Вот только не говори мне, что в нашем посольстве в Скагаранском Халифате нет сотрудников твоего ведомства. Да и

не только в посольстве. Думаю, двое из трех человек на территориях скагов — разведчики.

— С кадрами — беда, — вздохнул Саша. — Старики все на пенсии. А молодежь... это такие беспросветные дебилы! Бориску Жданова помнишь? Так он, если б был жив, сейчас стоял бы на хорошем счету!

Я только присвистнул. Если уж такой деятель... не, лучше даже не вспоминать. Но большего идиота, чем лейтенант Жданов, я в жизни не встречал. Это ж насколько все сейчас у нас в армии плохо!

— И есть еще одна проблема...

— Течет? — догадался я.

— Течет, — согласился полковник. — Черти о наших секретных операциях узнают едва ли не раньше, чем приказ подписан. Пока совсекретные планы из одного кабинета в другой переносят — десять раз копии снять успевают. А в тебе я уверен. Во-первых — ты человек идейный, принципиальный. А, во вторых — у тебя голова, каких мало. Я людей с таким складом ума за всю жизнь повидал — единицы. А людей я повидал немало — тут тебе рассказывать не надо. В-третьих — ты отлично говоришь по-скагарански. Плюс у тебя есть определенная доля везения, что в нашем деле — не последнее.

— То есть ты, мой дорогой друг, зная, что я —

далеко не дурак, пришел ко мне с таким предложением? А ты знаешь, что со мной сделают скаги, если поймают за шпионаж? Я слышал, хан Хадаш купил себе бульдозер и развлекается казнями — укладывает приговоренных в рядок и ме-едленно так, не спеша, давит. Нет, спасибо. Мне здесь нравится. Тепло, светло, мухи не кусают. Соседи, опять же, интересные. Так что у меня к вам тоже предложение: вы идете искать другого дурака, который согласится шпионить в Скагараском Халифате, а я — еду на каторгу.

В свете всего сказанного быть осужденным за работорговлю мне не казалось таким уж хреновым вариантом. Каторга! Нашли, чем пугать! Я слишком близко был знаком с системой, чтобы купиться на такие угрозы. Пусть меня и осудят. Пусть отделаться штрафом не получится — это в самом крайнем случае. Наш любимый Генеральный Председатель Совета успеет объявить десять амнистий по случаю какого-нибудь юбилея или просто годовщины. Уверен — до каторги я просто не доеду. Отправлюсь на все четыре стороны прямо из зала суда.

А если будет война — еще раньше. Война для ветерана, как я — это даже хорошо. Мобилизуют — сто процентов. А это все виды довольствия, боевые, трофейное золотишко. В общем — одни плюсы!

— Каторга... — задумчиво повторил

Брагин. — Знаешь, капитан, я же не такой зверь, чтобы отправить старого боевого товарища на каторгу! Как черти твое звено называли? Сасашалихан? Племя с тысячей рогов? А какую награду скаги обещали за голову каждого пилота Сасашалихана? Помнишь?

— Две сотни алтынов, — мрачно произнес я.

— Вот именно! — поднял вверх палец полковник. — И после войны награда меньше не стала. Ты же знаешь — долг крови. Черти не умеют прощать. Это сейчас ты раскатываешь по степи, пока рогатые не знают, где ты служил во время войны. А если узнают? Долго ты раскатывать будешь? Тебе напомнить, какие казни у скагов? Как это... Халанажих?

— Халанажиш, — машинально поправил я.

По части убивать пленника как можно дольше черти знали толк. Хадаш со своим бульдозером — это еще не самое страшное. Это еще быстрая и безболезненная смерть. У краснокожих если казнь закончилась менее, чем через трое суток после ее начала — это как-то слабо повеселились. Нам обманули, все расходимся, тут не на что смотреть! Шаманы со своими травами еще и помогут жертве оставаться в сознании на протяжении всего разнообразия пыток.

Халанажиш — одно из любимейших развлечений рогатых. Пленнику отрезают яйца и

возвращают ему же ректально. С их языка это переводится «если у тебя их нет спереди — проверь, возможно они у тебя сзади?». Перевод, конечно, примерный, но сути дела не меняет. Скаги считают такую пытку весьма забавной.

Такой смерти я себе точно не желал. На мой взгляд идеальная смерть — это в глубокой старости, от истощения, от потери сил, в койке с красивой девушкой. Отдельно подчеркиваю — девушкой, не женщиной возрастом за 50! Т. е. с молодой! Но, признаться, с моим образом жизни я бы и сам очень удивился, обнаружив себя на своем пятидесятом дне рождения.

Несмотря на то, что с войны прошло почти десять лет, я ничуть не сомневался, что найдутся скаги, готовые выложить за меня те самые двести монетч. Как и те, кто с удовольствием их получают. Брагин прав: черти не умеют прощать.

— Что ты теперь думаешь на счет сотрудничества? — ехидно улыбнулся полковник.

— Ответ, к сожалению, не нет, — процедил я сквозь зубы. — Верните мой грузовик, и я хоть прямо сейчас выеду в Скагаранский Халифат.

После этих слов оба офицера, не сговариваясь, рассмеялись.

— Грачев, неужели ты думаешь, что нам в тылу врага нужен бродяга? Нет, таких у нас хватает. Нам нужен человек, который смог бы

добраться до самих ханов, общаться с ними, если не на равных, то как-то около того.

— Тогда я вообще ничего не понимаю! — потряс я головой.

— Как у вас с инженерными познаниями? — поинтересовался Рамирес.

— Ну, мост взорвать могу... — улыбнулся я, вспоминая военные годы. — Фугас смогу заложить... да, если подумать, я за свою жизнь много чего у вас взорвал!

Что-то из сказанного мною сильно не понравилось американцу. Он даже поморщился. Да, союзничек, лет десять назад ты б за меня точно орден получил!

Глава 3

Большой начальник

Все же отцы-командиры — редкостные мудаки. Если б они сразу посвятили меня в детали своего далеко идущего плана — уговаривать пришлось бы гораздо меньше. И без всякого там шантажа. Не знаю, или разведчики просто наслаждались спектаклем, или хотели показать, что и у них на меня кое-что есть, чтобы я не почувствовал себя полностью бесконтрольным. Скорее — и то, и другое вместе. Если человеком нельзя управлять, если нет волшебной кнопки,

после нажатия на которую от агента не останется и мокрого места — это не наш человек.

По гениальному плану я должен был изображать из себя владельца крупной строительной фирмы. Такая легенда не могла вызвать подозрений — даже на Терре после войны еще не все было отстроено, на Марининских островах стройка вообще шла полным ходом. Запасной плацдарм долгое время не был оценен по достоинству — а зачем? Врагов у нас не было, со всех сторон мы граничили с заклятыми союзниками! Но после трехлетнего конфликта, когда врагов опять не осталось, одни друзья и партнеры, острова превращались в последний рубеж обороны. С пляжами, отелями, бассейнами, виллами, спа-салонами и всем прочим, что может потребоваться политической и финансовой элите в случае повторения войны. Т. е. весь архипелаг представлял собой место, куда избранные смогут просто свалить подальше от рвущихся бомб и свистящих пуль, предоставив нам, простым служакам, исполнить свою почетную обязанность и героически погибнуть за их счастье.

Руководитель мелкой строительной фирмочки не подходил — десяток скагов можно нанять на любой погранзаставе. Директор средней — тоже. Две-три сотни чертей — это уровень младших ханов. Брагину требовался человек, приближенный

к самому Хадашу — хану ханов, верховному хану Скагаранского Халифата. Фактически — самому влиятельному инопланетянину на всем материке.

Попытки завербовать кого-то из приближенных хана успехом не увенчались. Купить того, кто купается в золоте — попросту невозможно. Придворные хана сами могли купить кого угодно, и, судя по тому, как текло в обоих разведках — и нашей, и НАШ, делали это регулярно. Шантажировать... а чем? Общество скагов, насколько оно было закрытое для нас, людей, настолько открытое — для чертей. Не для всех, конечно, а внутри определенного круга краснокожих. Можно даже сказать — касты. Они знали друг про друга абсолютно все.

После того, как несколько провокаторов посетили палачей рогатых — даже среди наших шпионов желающих вербовать агентуру заметно поубавилось. С землянами ханы вели себя очень осторожно. Это с первого взгляда могло показаться, что они тупые, как три залупы вместе взятые. На самом деле краснокожие искусно вели свою игру. С посольскими работниками, понимая, что из них девять с половиной из десяти работает на разведку, скаги, вроде как откровенничали. На самом деле — сливали ровно столько информации, сколько можно. Эти же сведения можно было смело печатать в «Ханском вестнике». Вообще,

восемьдесят процентов всех разведанных как раз и получаются из открытых источников, хотя...

Если в обоих разведках все так плохо, как рассказывали мои кураторы, сегодняшние шпионы могли проглядеть и много рога в траве. Сильные спецслужбы нужны только во время войны. В мирное время они — помеха коррупции, которая столь увлекательна и притягательна. Нет ничего удивительного, что и наш Совет, и сенат НАШ приложили максимум усилий чтобы похерить силовые структуры по обе стороны границы. Осталось одно тупое дубовое дерево. Махать дубинкой — много ума не надо.

Меня готовили к заброске, превращая в самом деле в большого начальника. Респектабельного человека. И в высшей степени состоятельного. Солярий, маникюр, педикюр. Моя традиционная небритость превратилась в аккуратную щетину. Начинаясь седину — и ту покрасили. Оставалось только начинать подводить ресницы, но тут уже я б не позволил — скорее сам сдался бы Хадашу с его бульдозером.

Я пытался освежить в памяти скагаранский язык, слушая записи самоучителя во время монотонных процедур. Мой словарный запас в последние годы был сильно ограничен предложениями сдать, бросить оружие и поднять руки за голову. Короче, как и во время войны.

Впрочем, я почти сразу забросил эту идею. Диктовал явно не носитель языка. Человек. С настолько ужасным акцентом, что, казалось, даже сами рогатые после такого обучения перестанут нормально разговаривать.

Стоимость моего гардероба вообще повергла меня в глубокий шок. Десять тысяч рублей за костюм! За один костюм! Еще пять — за рубашку. Т. е. костюм и рубашка — это целый грузовик! Пусть не новый, но и костюмов тоже было закуплено далеко не один. Про ботинки вообще молчу. С таким финансированием операции быстрее и проще закидать чертей скагаранскими алтынами — золотыми монетами, которыми осуществлялось большинство расчетов как людей с инопланетянами, так и между ними самими.

Бумажки краснокожие как-то не особо уважали. Конечно, проще носить с собой пачку банкнот, чем мешок монет. Но рогатые несерьезно относились к любым платежным средствам, кроме золота. Имеются в виду те, кто имеет какое-то положение в обществе. Простым скагам, тучи которых работали на благо человечества, в основном — на стройках, даже ассигнации были за счастье. Попрошу не путать вольнонаемных инопланетян и рабов. Это две совершенно разные категории. Вольнонаемные имели своего хозяина, как правило — кого-то из младших ханов,

обладавших ханским патентом, в чьих карманах и оседала значительная часть заработной платы рабочих чертей. Младшие ханы, в свою очередь, платили патентный сбор верховным ханам, а те — хану ханов, Хадашу. Варварские обычаи, когда вся добыча племени распределялась поровну, канули в прошлое. Наступила новая эра — процветания и рыночной экономики. Отсюда и принципиальная разница между рабством и работой по патенту. Во втором случае это — оплачиваемое рабство.

Как раз ханы, от которых в большей степени и зависело общество скагов, наживаясь на своих менее расторопных соплеменниках, брали деньги, наши, человеческие рубли и доллары, весьма неохотно, настаивая на расчетах золотом. Это создало некоторые трудности в определении размера вознаграждения. Оплачивать услуги золотыми украшениями не вполне удобно. Допустим, стоимость договора составила двадцать пять граммов золота, а у землянина — цепочки только по десять грамм. Затык получается! Делать же колечки или те же цепочки по одному грамму — мало того, что накладно, так еще и такую кучу драгоценного металла с собой таскать! Любой здравый ювелир делает украшения таким образом, чтобы при минимальном весе придать изделию наибольший объем, т. е. решая задачу, совершенно противоположную удобству транспортировки.

Тогда и родилось решение — чеканить золотые монеты. Алтын — номиналом 50 рублей, и пятиалтынный — номиналом 250 рублей. Почему именно «алтын» — история подробностей не сохранила, Тилис, Единый В Трех Ликах, его ведает, но название за расчетным средством закрепилось прочно. Хотя на самих монетах оно и не указывалось вовсе. На алтыне номинал обозначался отверстием в центре монеты, на пятиалтынном — отверстием и пятью точками на аверсе. Дабы даже самый тупой скаг, не умеющий читать, мог определить цену монеты. На реверсе изображался Великий Хан Конош, последний Великий Хан скагаран. Если сравнивать с памятником в Верхнезаводске — вполне узнаваемо.

Отверстия в монетах имели и сугубо практический смысл. Во-первых, в ту эпоху, когда алтыны вводились в обиход, не у каждого краснокожего были карманы, а без наличия карманов и деньги носить в них затруднительно. Так их и таскали, надев на веревочку. А, во-вторых, такими своеобразными бусами черти демонстрировали свою крутизну. Говоря ученым языком — платежеспособность.

Меня золотом тоже не обделили. И тут, как и везде, решались две взаимоисключающие задачи. С одной стороны на меня полагалось навешать столько цацек, чтобы вызвать уважение у ханов. А,

с другой, вес желтого металла не должен превышать предел, за которым любой рогатый призадумается о соотношении наказания в виде смертной казни за убийство человека и счастьем от обладания вожаденным золотом. Тут я упирался, как мог. Всякие побрякушки терпеть ненавижу. Единственное, что я когда-либо носил в жизни — армейский жетон. Любые изделия из драгметалла воспринимал исключительно, как средство инвестирования. Или как трофей — то, чем можно поживиться у поверженного врага — это в годы войны, а позже — будущего раба.

Короче, ограничились цепью средней толщины, эксклюзивными часами завода «Звезда» на руку и двумя перстнями.

— Откуда такое богатство, если у вас оптимизация расходов, Очень Компетентные Комиссии и туалетную бумажку хрен допросишься? — поинтересовался я как-то раз у Брагина.

— Я — разрабатываю операцию, — ответил Саша. — Финансирует разведка Новых Американских Штатов.

— А у вас откуда? — спросил я Рамиреса.

— Торгуем, — развел руками подполковник.

— Надо полагать — не швейными машинками...

— В основном — гром-палками, — признался

американец. — Реже — дурман-травой.

— То есть ты хочешь сказать, что продав кучу стволов чертям, вы вдруг обеспокоились, что у них слишком много оружия, и деньги, вырученные с продажи этого самого оружия, направили на операцию против чертей?

— Как-то так...

— Гениально! — восхищенно заявил я.

— Что поделать, если законы принимают те, кто должен таблетки принимать, — вздохнул Брагин.

Однако и после всего этого в моем гардеробе не хватало одной маленькой, но важной детали — пушки. Землянину к инопланетянам без гром-палки вообще не соваться. Украсть человека с целью выкупа у скагов считается настолько же нормальным, насколько нам — продавать их в рабство. Бизнес, достойный уважаемого члена общества. Признаться, глядя на нового себя в зеркало, всего такого ухоженного, человека, который не только знает, что такое «барбер-шоп», но даже может показать, где он находится, я б и сам себя похитил. От прежнего бродяги не осталось и следа.

Хотелось чего-то такого, в чем я был бы уверен на все сто процентов. И скорострельного. Но на мою просьбу дать Калашмат Брагин ответил отказом.